

УДК 94(574.11).084.5:364.1

А. П. Килин

«КРАСНЫЙ ГОРОД»: СИМБИОЗ АГРАРНОГО И ИНДУСТРИАЛЬНОГО УКЛАДОВ В УРАЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИИ 1920-х гг.¹

На материалах информационных сводок окружных отделов Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) по Уральской области за 1924 г. рассматриваются способы и приемы адаптации населения к условиям экономики переходного периода, сочетающей в себе как плановые, так и рыночные начала, базирующейся на взаимодействии различных хозяйственных укладов и форм собственности. Складывалась парадоксальная ситуация, при которой рабочие и крестьяне были вынуждены заниматься однотипными видами деятельности, активно включаться как в сельскохозяйственное, так и в промышленное производство, но при этом в социальном плане жестко дистанцироваться друг от друга, формулируя противоположные, взаимоисключающие интересы. Процесс урбанизации, который активно протекал в годы нэпа на Урале, вел не только к росту численности городского населения, но и к маргинализации значительной его части, «окрестьяниванию» рабочих и «орачиванию» крестьян, симбиозу традиционного и индустриального укладов, архаизации городской среды.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история, экономика, нэп, ОГПУ, город, село, рабочий, крестьянин, сельское хозяйство, промышленность, заработная плата, снабжение, денежное обращение.

Процесс модернизации предполагает целый комплекс трансформаций как экономической, так и социальной сферы общества. Применительно к периоду нэпа можно говорить о таких основных тенденциях, как секуляризация, социальная мобилизация, демократизация (советизация), технологический прогресс (с акцентом на идею восстановления хозяйства до довоенного уровня), развитие системы образования и урбанизация. Специфическими чертами модернизационного процесса, который был реализован в раннесоветском обществе, являлись дефицит материально-технических

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

ресурсов, идеологический детерминизм, доминирующая роль государственного аппарата и форсированные темпы реализации. В таких условиях процесс урбанизации носил сложный и противоречивый характер, превращал города в очаги напряженности и зону конфликтов. Используя метафору, вынесенную в заглавие данной статьи, можно представить себе городское пространство, накаленное до предела, «докрасна», в рамках которого сталкивались интересы представителей как «старого», так и «нового», аграрного и промышленного секторов, города и деревни, рабочих и крестьян².

Города представляли собой симбиоз аграрного и индустриального укладов, являлись местом сосредоточения разнообразных социальных групп, находящихся в движении, в постоянной динамике, при этом высокая социальная мобильность провоцировала маргинализацию значительной части населения, а города притягивали различные деклассированные элементы.

Кто были эти горожане? Какие источники дохода и снабжения они использовали? Как в условиях тотального дефицита и неритмичной работы предприятий они адаптировались и выживали? Была ли сильной классовая солидарность городской и деревенской бедноты или же, напротив, конфликт города и деревни только разрастался? Ответы на эти вопросы позволяют реконструировать облик провинциального города как пространства, насыщенного противоречиями, порой накаленными до предела, как места столкновения эгоистических интересов, зоны конфликтов, тлеющих подспудно (разговоры, слухи) или вырывающихся наружу (забастовки, протесты, бандитские вылазки). Именно в этом контексте уральский

² Стремление привлечь к обсуждению проблем городского пространства 1920–1930-х гг. представителей различных дисциплин (историков, социологов, архитекторов и т. д., как профессионалов, так и энтузиастов) предопределило использование этого образа в названии Российско-французского научно-исследовательского семинара «Красный город», который работает на базе Лаборатории эдиционной археографии департамента «Исторический факультет» Уральского гуманитарного института УрФУ с 2015 г. Мы отчетливо осознаем широкий диапазон ассоциаций, который может возникнуть в сознании участников проекта относительно определения «красный», как позитивного, так и негативного характера (от «красивого» до «кровавого»).

город можно назвать «красным» и не сводить этот эпитет исключительно к термину «революционный».

В мемуарах Виктора Сержа (Виктора Львовича Кибальчича) используется аналогичный образ: «Марсель, полнокровный и беспечный, со своими переполненными переулками Старого Порта, расцвеченный лохмотьями, старыми буржуазными улицами с решетками на окнах, вымершими набережными, яркими морскими видами – в принципе “красный” город, но красный со смешанным оттенком, т. е. с оттенком не всегда чистых делишек» [Серж, с. 443]

Историческим источником нашего исследования послужили информационные сводки политического подотдела ОГПУ по Уралу. Будучи элементом системы правоохранительных органов, управление включало в сферу своих интересов максимально широкий спектр проблем, охватывающий практически все стороны жизни, все многообразие конфликтов, несущих реальную или потенциальную угрозу режиму. Разумеется, необходимо учитывать специфику такого вида источника, как отчет, т. е., с одной стороны, в нем содержится описание проблем и угроз, а с другой, имеется свидетельство того, что ситуация находится под контролем, демонстрируется эффективность собственной деятельности, с акцентом на ее значимости, с позиции безопасности государства. В сводках содержится экономический и политический анализ ситуации на подведомственной территории, анализ социальной структуры общества как на основе профессиональной принадлежности и видов деятельности, так и по признаку лояльности граждан к советской власти, РКП(б) и Красной армии. В сводках отражены противоречия нэпа, вытекающие из сочетания плановых и рыночных начал, мобилизационной и конкурентной экономики, военного и мирного времени, старой и новой социальной структуры общества.

Целью данной публикации является рассмотрение структуры занятости как городского, так и сельского населения, процесса взаимопроникновения и взаимного отторжения этих социальных групп на рынке труда.

Сформировавшиеся как города-заводы, уральские города в основе своей социальной структуры имели служилых людей (государственных служащих, военных), инженеров и рабочих, частных

предпринимателей. После Октября 1917 г. в основу социальной стратификации были положены классовый принцип и деление на «старые отжившие классы» и «новые трудящиеся массы». Декларировалась политика «диктатуры пролетариата», в рамках которой пролетариат наделялся исключительными, порой мессианскими качествами под чутким руководством партии. Реальная картина была намного сложнее и противоречивее: «гегемон» зависел от воли администрации предприятия, мог оказаться безработным в случае конфликта со «спецом», а кадрового рабочего, который обзавелся не только семьей, но и домашним хозяйством, можно было назвать «пролетарием» лишь с известной долей условности.

История изучения проблемы обширна (В. В. Адамов, О. А. Васильковский, Д. В. Гаврилов, С. П. Постников, В. П. Сигов, А. П. Тяняев, М. А. Фельдман), а острота дискуссии отражена в историографии (Н. Н. Алеврас, Е. Б. Заболотный, В. Д. Камынин, В. Д. Тертышный) [см.: Заболотный, Камынин, Тертышный].

О «полукрестьянине-полурабочем» писал А. П. Тяняев: «Вплоть до Октябрьской революции уральский рабочий представлял своеобразный тип рабочего: полукрестьянина, полурабочего... он был не только продавцом своей рабочей силы, но и мелким земельным собственником, имевшим здесь же около завода свой домик и клочок земли (огород, покос), а иногда и пашню, в последнем случае являясь одновременно и земледельцем-крестьянином. Эта двойственность экономического положения и интересов уральского рабочего не могла не наложить отпечаток на его психологию и политические настроения. Не случайно, что наряду с большевиками среди уральских рабочих пользовались большим влиянием и успехом социалисты-революционеры» [Колчаковщина на Урале, с. 17]. С. П. Постников и М. А. Фельдман отмечают, что «период нэпа привел к восстановлению в конце 1920-х гг. социокультурного типа рабочего, существовавшего до 1917 г., но при уменьшении масштаба аграрного труда и связанных с ним социокультурных традиций» [Постников, Фельдман, с. 117].

В действительности рабочие на уральских предприятиях, проживая в городах или рабочих поселках, были тесно связаны с сельскохозяйственной деятельностью, с аграрным укладом. Значительную

часть времени они проводили не у станка, а на земле или в очередях, так как рабочий был вынужден сам заниматься снабжением, поиском и получением продуктов питания и товаров повседневного спроса. В качестве наиболее адаптивной модели поведения рабочего в условиях нэпа нам видится ситуация, когда человек официально работал на промышленном предприятии, но при этом не утрачивал связи с родственниками в деревне, имел собственный дом и подсобное хозяйство, владел ремесленными навыками и азами торгово-посреднической деятельности, был вовлечен как в легальные, так и нелегальные формы самообеспечения.

К подлинным, «классическим» пролетариям относили лишь тех рабочих, кто не имел собственного хозяйства, огорода, а порой и собственного жилья, проживал в общежитиях, бараках или снимал жилье. Как правило, это были холостые мужчины. К этой группе можно отнести временных (сезонных) работников, приглашенных из других регионов на предприятия, которые, выполняя государственные задания и получив заказы, в срочном порядке расширяли свое производство и не имели возможности подготовить собственные кадры.

Положение рабочих в городах не было стабильным. Спад производства и закрытие ряда предприятий породили массовую безработицу, которая снизила цену труда. Угроза безработицы заставляла рабочих мириться с изменениями, которые отрицательно сказывались как на продолжительности рабочего времени, так и на уровне дохода.

На положение рабочих серьезное влияние оказала денежная реформа 1923–1924 гг., которая, с одной стороны, стабилизировала курс национальной валюты, а с другой, породила дефицит наличности, особенно мелкой разменной монеты, привела к росту цен. «Рабочие в доменном цехе [Нижне-Салдинского металлургического завода – А. К.] чувствуют себя пришибленными. Разменной монеты не хватает, зарплата рабочим выдавалась 3–5 червонцами, на этой почве имеет место большое недовольство, т. е. червонцы не могли разменять по 6 и более дней. Процент звонкой монеты не выдавали уже две полочки, т. е. целый месяц. ЦРК (Центральный

рабочий кооператив) работает слабо, отсутствует достаточный капитал на оборот» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 74, л. 232].

С введением твердой валюты проводилась политика снижения цен в государственной торговле и кооперации, но заработная плата снижалась быстрее. Политика в сфере заработной платы ориентировалась на повышение производительности труда и оптимизацию (переход с «поденной» оплаты на «сдельщину»). В сводках справедливо отмечалось, что показатель эффективности предприятия достигался за счет рабочих, а не модернизации производства. На Надеждинском заводе «надбавка норм выработки и сокращение штата и т. д. понизили себестоимость продукции на 18 % в среднем и только за счет рабочих, мер же в сторону удешевления каким-либо усовершенствованием производства со стороны администрации – ничего не сделано» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 74, л. 59].

Дефицит денежных знаков и постоянные задержки с выплатой жалованья³ вынуждали рабочих брать товары в кредит в кооперативе, порой по ценам выше рыночных. В сводке Нижнетагильского отдела ОГПУ от 23 мая 1924 г. говорится: «Общее материальное положение рабочих тяжелое, зарплата не выдана за март, апрель и май месяцы. За эти месяцы выданы только продукты из ЦРК и заводских складов, предусмотренные колдоговором, которым рабочие недовольны, так как согласно колдоговора им выдают только ржаную муку, крупу, соль и мясо и больше ничего, т. е. ЦРК отпускает продуктов рабочему не более 15 % его заработка в месяц, а остальная сумма остается за заводоуправлением, тогда как по старому колдоговору рабочий мог в ЦРК получить, что хочет, под весь заработок. Кроме того, Правление Средне-Уральского треста со своих складов выдает рабочим в счет зарплаты сеянку по 4 руб. за 1 пуд, тогда как такую же муку можно купить на рынке по 2 руб. 90 коп. за пуд. Здесь рабочие определенно обвиняют администрацию завода и треста и говорят, что “в счет зарплаты нам можно и дороже

³ Отметим, что термин «жалованье», заимствованный из дореволюционного прошлого, активно использовался в документах 1920-х гг., но исчез в середине 1930-х гг.

продать, ибо нам в силу необходимости приходится брать, а им лишь бы скорее ликвидировать задолженность”» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 74, л. 58].

Отсутствие необходимых товаров в кооперативных лавках и продажа дефицитных товаров исключительно за наличные заставляли рабочих обменивать талоны (ордера) или неходовые товары, полученные в счет заработной платы, на вольном рынке, причем с существенным дисконтом. Как следствие, реальный уровень заработной платы еще больше сокращался. Таким образом, дефекты централизованного снабжения и кооперативной торговли существенно сокращали доходы рабочих, пополняли частный сектор товарами и позволяли ему получать прибыль. В сводках ОГПУ очевидны намеки на то, что несовершенство распределительной системы склоняет рабочих на сторону частной торговли, а экономическая проблема переводится в политическую плоскость. По словам рабочих, «если бы выдавали 60–70 % наличными, тогда бы хватило на расходы по хозяйству, и можно было бы вложить в сберегательную кассу, талоны же <...> неудобны и частными торговцами принимаются за полцены. <...> Рабочие высказываются за частную торговлю, боясь, чтобы не получилось большого перерыва в снабжении рабочих товарами и продуктами первой необходимости, что может тяжело отразиться на производстве» [Там же, л. 259]. Еще более тревожной была ситуация, при которой талоны обменивались рабочими у крестьян на самогон. При этом крестьяне получали доступ к фабричным товарам с дисконтом в 20–30 % от первоначальной цены. С учетом низкой себестоимости производства самогона, рентабельность такой сделки возрастала [см.: Там же, л. 106].

Стремление рабочих получить жалованье в денежной форме свидетельствует о том, что финансовая система была устойчива, а рынок позволял получить необходимые товары. Напротив, в условиях острого дефицита деньги обесцениваются, товары в открытом доступе отсутствуют, что стимулирует рабочих включаться в ведомственную, распределительную систему, недоступную для посторонних.

Таким образом, жалованье и иные материальные блага, которые рабочий получал на предприятии, не гарантировали необходимый уровень его благосостояния, а также членов его семьи.

В этой ситуации личное подсобное хозяйство виделось гарантом «продовольственной безопасности», относительно стабильным источником самообеспечения. Кадровые рабочие имели собственный дом, приусадебный участок, огород, покосы, крупный и мелкий рогатый скот, птицу, некоторые держали пасеку [см.: Там же, д. 69, л. 97]. Получаемые продукты позволяли рабочему поддерживать свое существование при задержке заработной платы, временной консервации или ремонте предприятия, в случае увольнения – на период поиска работы. Этот «страховой фонд», находящийся в собственности рабочего, позволял ему адаптироваться в экономическом плане, но создавал напряжение в политической сфере, вызывал обеспокоенность надзорных органов, так как связывал рабочего с «мелкобуржуазной стихией», провоцировал обывательские настроения.

В сводке Нижнетагильского отдела ОГПУ говорится: «Настроение рабочих Баранчинского завода удовлетворительное, т. к. большинство рабочих – местные жители, имеющие свои мелкие хозяйства, и несвоевременная выдача зарплаты не так сильно влияет на них» [Там же, д. 74, л. 43]. В отчете по «аграрному» Курганскому округу уполномоченный пишет: «...Быт рабочих изменяет свою форму слабо, что вполне естественно, так как в Округе в полном смысле чисто рабочих не имеется, а на 90 % полурабочие-собственники» [Там же, д. 72, л. 96]; «...в Округе чисто пролетарского слоя рабочих нет, а если и есть, то не более 10 %» [Там же, л. 218].

В восприятии сотрудников ОГПУ «пролетариями» являлись только те, кто не имеет собственного хозяйства: «Кунгурский округ. Госпромывшленность. Настроение рабочих... в общем удовлетворительное. Артинский косно-серпной завод. Материальное положение рабочих ухудшилось ввиду остановки завода, безработных до 1000 человек, из них 50 % не имеющих своих хозяйств – пролетарият» [Там же, д. 73, л. 4]. В сводках содержатся сведения о подъеме культурного уровня передовых рабочих, которым противопоставляются «отсталые слои»: «Из среды беспартийных, низких по политическому уровню, этого не наблюдается, они ушли всецело в свое домашнее хозяйство, причем из состава их замечено, что на завод, в цеха приносят с собой кумышку и пьют» [Там же, д. 74, л. 324].

Собственное хозяйство, по мнению авторов сводок, снижало заинтересованность рабочего в повышении производительности труда на заводе, поэтому с этими пережитками предлагалось активно бороться. Имеется «вспомогательное хозяйство рабочих и, в крайнем случае, одна корова. Ранее наблюдались случаи недобросовестного отношения некоторых рабочих к производству, но в настоящее время это явление изжито благодаря тому, что профсоюзом и ячейкой РКП(б), и общими собраниями рабочих принимались меры против таких личностей, вплоть до увольнения» [Там же, д. 72, л. 157]. В сводке Ишимского округа сообщается, что на Петуховском механическом заводе «проводится так называемая пролетаризация, т. е. увольняются работающие на заводе крестьяне и нанимаются чистые пролетарии с условием, что такие смогут заменить по квалификации уволенных» [Там же, д. 71, л. 111]. В данном контексте под «крестьянами» не могут пониматься исключительно деревенские жители, так как речь идет о квалификации работников.

Пролетаризация включала в себя не только чистку кадров, но и создание менее комфортных условий для мелких собственников, в том числе в налоговой сфере. Например, в г. Кургане «с рабочих-собственников, т. е. с тех, которые имеют свои дома, сейчас взыскивают налог в пользу голодающих. Некоторые рабочие по этому поводу говорят, что “сами-то мы с большими семьями живем чуть ли не впроголодь, а с нас берут налог по 10 руб. в пользу голодающих, между тем как еще должны платить нам”, но общего характера это недовольство не носит» [Там же, д. 72, л. 197].

Вопреки мнению крестьян, рабочие должны были уплачивать налоги, в том числе налог на имущество, которым владели. Это обстоятельство повышало заинтересованность рабочих в выплате жалования не в натуральной, а в денежной форме. На Нижнетагильском заводе «особенно волнует рабочих вопрос с уплатой всевозможных местных и государственных налогов, как-то: усадебные налоги, страховка за скот и прочее, срок уплаты которых кончается 1 июня с. г., а т. к. рабочие денег не имеют, то налоги не платят, и им преподносят окладные листы, и есть случаи, у некоторых рабочих описывают имущество» [Там же, д. 74, л. 61]. В депо

ст. Нижний Тагил Пермской железной дороги отмечено «недовольство рабочих на дополнительную земельную ренту, ибо таковой рабочие не имели в виду, и среди них идет разговор, что, возможно, в будущем еще будут налоги, тогда мы должны работать только на налог» [Там же, л. 177]. В Алапаевске «рабочим, занимающимся хлебопашеством, было отказано в выдаче денег, которые они просили для внесения за сельхозналог через предприятие к 1 ноября, т. к. срок уже истекал, на что Управление Комбината также отказало, мотивируя неимением денег, в связи с чем рабочие остались недовольны и роптали, что “с нас просят, а нам не дают”. Со стороны рабочих слышны предложения, чтобы выдавали наличными деньгами 60–70 %, которые удовлетворили бы вполне рабочих» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 74, л. 257].

Различия в интересах местных, коренных и пришлых рабочих видны на примере конфликта, который возник у рабочих из Ирбита в Нижнем Тагиле. Оценка ситуации и радикализм требований протестующих, напрямую зависели от того, сохранялась ли возможность, помимо промышленного производства, уделять время собственному хозяйству. В информационной сводке описываются волнения в листопркатном цехе Нижнетагильского завода. На общее собрание был вынесен вопрос о забастовке: «...Ирбитские рабочие, имея у себя в Ирбите дома, свои хозяйства, чем, несомненно, они обеспечены, и видя, что на листопркатном стане, кроме них, почти нет специалистов, выставили свои требования: снижение норм выработки и выдача по районам из ЦРК товаров и продуктов таких, какие им нужны» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 74, л. 61]. Отмечалось, что «особенно недовольны приезжие ирбитские рабочие в листопркатном цехе, где последние зарабатывают приличные суммы денег, но их на руки не получают, на почве чего они говорят, что “перед страдой недели за две бросим работу и уедем домой и больше ни на каких условиях уже не согласимся работать”» [Там же, л. 62].

На собрании 19 мая 1924 г. ирбитские и тагильские рабочие голосовали отдельно: первые – за забастовку, вторые – против прекращения работы. «...Ирбитские рабочие на работу не вышли. Ирбитским рабочим от имени профорганизации было предупреж-

дение, что если они не выйдут на работу, то их уволят с работы, исключат из профсоюза и опубликуют в газетах, чтобы их не принимали на работы ни в какие заводы» [Там же, л. 61].

Требования рабочих автор сводки отчасти оправдывал тем, что «экономическое положение рабочих тяжелое, особенно приезжих рабочих и не имеющих своих хозяйств и живущих на квартирах, за которую с них просят хозяева плату, но ввиду невыдачи зарплат деньгами, рабочие вынуждены полученную натуру продавать на базаре за бесценок» [Там же, л. 69].

Проблемы с выплатой заработной платы, особенно в ее денежной форме, были наиболее остры в «индустриальных» округах Уральской области, по сравнению с округами, специализирующимися на сельскохозяйственном производстве и пищевой промышленности. Эта проблема настойчиво поднимается в сводках по Тагильскому и Пермскому округам, в то время как ссылки на возможность рабочему прокормиться самостоятельно приводятся в отчетах по Курганскому, Кунгурскому и Ишимскому округам.

Радикальная, на наш взгляд, оценка доли заработной платы в доходах рабочего представлена в сводке по Курганскому округу: «...Жалоб на то, что у рабочих недоставало продуктов или одежды, нет, т. к. в большинстве случаев они – местные жители, и каждый из них имеет свое собственное маленькое хозяйство, а есть даже и такие, которые получаемый заработок используют не в помощь своим хозяйствам, а расходуют <...> на свои личные потребности, как то выпивка и т. д., иначе говоря, жалование идет на чисто карманные расходы. Но от этого материальное положение их семей не страдает» [Там же, д. 72, л. 144].

Высокий уровень безработицы авторы сводок объясняли тем, что зарегистрированные на бирже труда граждане отказывались от предложенных им вакансий, а в качестве причины называли невозможность бросить свое хозяйство в городе. «Безработных по Ишимскому округу приблизительно 200 человек, по профессии: три слесаря, один токарь, два счетовода, делопроизводителей 17, торговцев-продавцов 17, бухгалтеров 3, секретарей 2, учительниц 12, руководительниц 2, домашней прислуги 4 человека, остальные все

чернорабочие. Необходимо отметить, что большая часть безработных имеют свое хозяйство и на бирже состоят лишь для того, чтобы получить такое место, которое не отзывалось на его хозяйстве. Были случаи посылки таковых в округ, но последние отказывались, мотивируя тем, что хозяйство оставить в городе не могут» [Там же, д. 71, л. 172]. «Безработные <...> отказываются переезжать, ссылаясь на необходимость поддерживать хозяйство или не нравится должность <...>. Все безработные в ишимских условиях в большинстве мелкие хозяйчики, которые обеспечивают свое существование путем посева хлеба и огородов, чего-либо серьезного безработные не представляют...» [Там же, л. 215]. Однако есть примеры сезонной занятости безработных вне города. После закрытия на реконструкцию Наталинского государственного стекольного завода в Кунгурском округе часть рабочих была задействована на перекладке печей, а оставшиеся без работы «ушли на отхожие промысловые крестьянские полевые работы» [Там же, д. 73, л. 64].

В документах факты «патриархальщины», «обывательщины» и «мещанства» напрямую связывают с частнособственническими интересами, оценивают как тревожный сигнал, идущий вразрез с идеологическими установками партии. В сводках ОГПУ говорилось о том, что «быт рабочих в большинстве своем вырисовывается чисто мещанский» [Там же, д. 72, л. 56]. В материалах содержится детальное описание повседневной жизни рабочих: «...При некоторых заводах имеются хотя и небольшие театры и библиотеки-читальни, которые, надо сказать, охотно посещаются рабочими, а если в некоторых случаях посещаемость сводится к минимуму, так это потому, что иногда рабочие не имеют свободного времени, ему нужно позаботиться о своей частной жизни, нужно получать отдых <...>. Посещаемость рабочими общих увеселительных мест наблюдается не очень большая, т. к. некоторые из них, при своем скудном заработке и при большой семье, учитывают каждую копейку, предпочитая быть сытым, чем идти развлечься. Наблюдается, хотя и в самой незначительной степени, посещение таких учреждений, как “Лото”, где рабочий, надеясь на удачу, идет с желанием получить дармовую копейку. Это в некоторой степени, хотя, конечно, и в незначительной, влияет на его культурное развитие.

<...> Домашний быт рабочего сводится к тому, чтобы его семья имела возможность находиться в лучших условиях жизни, чтобы она была сыта, одета и обута, и чтобы кое-что сберечь на черный день. В отношении черного дня хорошо помогают сберегательные кассы, которыми рабочие очень довольны, признавая их разумными и нужными учреждениями, дающими возможность рабочему в любой момент положить на книжку, в любой момент взять, тем самым сберечь свои трудовые гроши» [Там же, л. 81–82].

Рассматривая активное вовлечение рабочих в сельскохозяйственное производство, отметим не менее интенсивное привлечение крестьян в промышленность. Необходимость уплачивать сельскохозяйственный налог в денежной, а не в натуральной форме вынуждала крестьян искать источники денежных поступлений. Если в городах испытывали дефицит в наличности, то в деревне ее практически не было.

Юго-Осокинский район Кунгурского округа: «По бытовым условиям в довоенное время район являлся наполовину промышленным, и население такового считалось полурабочим-полукрестьянским. В данное же время район является чисто земледельческим и население его заинтересовано исключительно приобретением земельных участков и в обработке таковых <...>. Замечается уход населения на промысловые отхожие работы, как-то: плотников, каменщиков и др., которые равняются довоенному» [Там же, д. 73, л. 93].

Неоднократно упоминаются в сводках отхожие промыслы: «...Неудовлетворительное отношение в некоторых деревнях в связи с взиманием налога деньгами, это заставляет крестьян выезжать на заработки исключительно с целью уплаты налогов» [Там же, д. 74, л. 198]; «...За последнее время крестьянство уходит на ближайшие заводы и рудники, где и работает, чтобы иметь возможность заплатить третий срок сельхозналога» [Там же, л. 296]; «Петрокаменский район. Отхожие промыслы наблюдаются по всему округу приблизительно в 50 % больше довоенного времени – это вызывается вопросом изыскания средств на уплату сельхозналога» [Там же, л. 317]; в Суксунском районе Кунгурского округа «за последнее время значительно увеличивается приток крестьян-бедняков на отхожие промыслы, в большей части на полевые работы,

на почве нехватки собственного хлеба для существования в текущем году» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 2, д. 73, л. 79]; «Имеются отхожие промыслы почти по всему [Тагильскому] округу, т. е. в свободное время от полевых работ крестьяне уходят на работу в курени для заготовки и доставки лесоматериала для заводов. Процент ушедших на заработки равняется от довоенного времени 75 %, но крестьяне недовольны тем, что зарплата выдается натурой, а не деньгами, которые им нужны для оплаты налогов и на личные расходы» [Там же, д. 74, л. 80]; в связи с этим, в Надеждинском районе «...уходят на заготовку дров и на разные другие работы на заводы, которые против прежних лет сократились на 30–40 % в силу того, что крестьянство не удовлетворяется расчетами на заводах и занято расширением своих хозяйств» [Там же, л. 288].

Деньги крестьянам были необходимы и для приобретения семенного фонда: «В Алапаевском районе в связи с задержкой невыплаты⁴ зарплаты на всевозможных лесных заготовках, что сильно отразилось на экономическом положении крестьян, потому что каждый стремится заработать и на деньги купить семян, а в результате деньги не получены, дороги испортились и семян нет. Но возможно, что крестьяне все-таки постараются засеять поля, т. к. стремление к увеличению посевной площади у крестьянства имеется» [Там же, л. 41].

Перечисленные факты свидетельствуют о том, что наряду с «окрестьяниванием рабочих», шел процесс «рабочивания крестьян», создавая предпосылки для массовой урбанизации 1930-х гг. Маятниковая миграция по маршруту «город – село» была сезонным, но постоянным явлением; придавала мобильность трудовым ресурсам, но не способствовала повышению эффективности деятельности в базовых для крестьян и рабочих отраслях производства.

Взаимоотношения рабочих и крестьян в отчетах представлены как противоречивые. Приводятся факты, что «яблоком раздора» становилась земля: «...В ближайшее время будет происходить раздел земли, т. е. наделение бывших рабочих Юго-Камского завода (консервированного). Земля, бывшая крестьянской и до последнего

⁴ Так в тексте документа.

времени ими обрабатываемая, поэтому между рабочими и крестьянами идет антагонизм и, возможно, при наделе будет столкновение, хотя крестьянам и дают землю, но дальше, а потому отношения между крестьянами и рабочими стоят обостренными» [Там же, д. 75, л. 53].

В сводках содержатся сведения о проведении кампании по «смычке города и деревни». Сотрудники ОГПУ отмечают, что сближение идет лишь под нажимом административных и партийных органов. «О смычке рабочих с крестьянами, первые остаются в большинстве пассивными, и никаких трактований среди них не наблюдается» [Там же, д. 73, л. 44], – так описывается ситуация на Кунгурском кожевенном заводе.

Крестьяне обвиняют рабочих в безделье, в том, что они отработают 8 часов и свободны, но при этом имеют стабильный источник дохода, могут покупать товары по более доступным ценам, пользоваться социальными и культурными благами, к тому же не уплачивают непосильных налогов. Им в вину ставились «ножницы цен», при которых цена на «фабрикат» была выше стоимости сельскохозяйственной продукции: «...Есть недовольство на то, что рабочие работают 8–9 часов, получают за это высокие ставки, а крестьянин трудится круглые сутки и за это ничего не получает, а наоборот, с него берут. Вообще говорят, что Советская власть больше обращает внимание на рабочих, чем на крестьян, конечно, здесь не обходится дело и без кулацких поджигателей, но какого-нибудь факта, более или менее серьезного, не помечено» [Там же, д. 72, л. 126]; «Крестьяне говорят, что государство труд крестьянина не ценит, что за пуд пшеницы можно купить только аршин ситца, а ржи так нужно два пуда на аршин ситцу. <...> Если в государстве чувствуется денежный кризис, то почему государство платит рабочим большое жалованье, нужно его урезать» [Там же, л. 180]; «Проходили крестьянские беспартийные конференции, где кулачество выявило свое настроение и требование организации крестьянских Союзов в защите крестьянских интересов и даче таковым демократических свобод. Из анонимных анкет некоторых делегатов, очевидно из кулацкого элемента, выявился упрек соввласти настоящего момента в ненормальных действиях ответственных партийных работников

на местах и пассивных их отношениях к крестьянству, несоответствие цен продуктов сельскохозяйственного производства с ценами продуктов городской промышленности. Таким же путем установлено, что один из делегатов конференции Кунгурского района на вопрос: “Что вы можете добавить вышестоящим ответам на вопросы?”. Отвечает: “Мне хочется узнать, когда будет уплочена задолженность крестьянству, изъятия у последних рабочими в период разверстки, т. е. до НЭПа?”» [Там же, д. 73, л. 14–15 об.]; «Отношение крестьян к налоговой политике удовлетворительное, крестьяне Покровского сельсовета (Алапаевского района, Нижнетагильского округа) имеют классовое деление, сравнивая крестьянскую жизнь с рабочей, который живет во всех отношениях лучше крестьянина и не платит налогов» [Там же, д. 74, л. 173].

Рабочие в ответ на призывы оказать помощь деревне напоминают о том, что «рабочие до сих пор помнят голод и называют крестьян “обиралами”» [Там же, л. 85]. «На вопрос о смычке с крестьянством рабочие реагируют пока безразлично, ибо последние голодные годы показали рабочему, что крестьянин тогда не считался с его нуждой и отбирал у него последнее вещи за кусок хлеба» [Там же, л. 99]; «... что голодные годы дали понять рабочему, что крестьянин тогда его нужде не верил» [Там же, л. 113]. «О смычке с крестьянством часть рабочих [говорит], что помогать чем-либо крестьянину не надо, потому что крестьянство в голодное время за кусок хлеба рвало с рабочего последнюю рубашку» [Там же, л. 201]. Были и более конструктивно настроенные рабочие: «... На вопрос о смычке с крестьянством рабочие смотрят доброжелательно, хотя говорят, что настало то время, что мы сделались нужны крестьянину, не то что в 1921 году во время голодовки. И в то же время говорят, авось и еще нам придется обратиться к крестьянину в случае голода» [Там же, л. 138]. «... По вопросу смычки с крестьянством сознательные рабочие высказываются, что смычка необходима, ибо рабочий и крестьянин не могут существовать один без другого, но полностью работы по смычке с крестьянством вопрос еще не налажен из-за ряда причин, как-то страдный период и т. д.» [Там же, л. 188]. «Ново-Лялинский завод <...>. Вопрос о смычке с крестьянством – работа усваивается хорошо, взято шефство над деревнями» [Там же, л. 115].

Складывалась парадоксальная ситуация, при которой в силу сложившихся обстоятельств рабочие и крестьяне были вынуждены заниматься однотипными видами деятельности, активно интегрироваться как в сельскохозяйственное, так и в промышленное производство, могли иметь кровных родственников как в городе, так и в деревне, но при этом в социальном плане жестко дистанцироваться друг от друга, отстаивая противоположные, взаимоисключающие интересы и предъявляя целый ряд претензий к противоположной стороне. Споры возникали относительно времени работы (лимитированное/нелимитированное); цен на продукты (завышение цен на «фабрикаты»/сокращение хлебных излишков с целью роста цен на них, неэквивалентность, по мнению обеих сторон, уровня цен); приоритет личного и общественного (мелкобуржуазная крестьянская стихия/обывательщина среди рабочих). Возможно, что баланс интересов был достижим естественным, эволюционным путем лишь на основе либо рыночных, либо плановых начал, которые в условиях Советской России периода нэпа могли играть весьма ограниченную роль. Таким образом, противоречия нэпа непосредственно отражались на взаимоотношениях рабочих и крестьян, весьма неоднородных по своей внутренней структуре социальных групп.

При изучении сводок ОГПУ складывается впечатление, что чрезвычайно высокий уровень солидарности рабочих и крестьян, как цементирующая основа нового строя, не был выгоден правоохранителям. При наличии противоречий между этими группами органы власти могли выступать в роли арбитра, списывая недостатки собственного администрирования на одну из сторон. Эта аргументация могла быть использована при обосновании фискальной политики, когда существующие проблемы сложно было объяснить лишь происками врагов советской власти (нэпманов, белогвардейцев, попов или кулаков).

Представляется, что процесс урбанизации, который активно протекал в годы нэпа, был не столь однозначен. Он вел не только к росту численности городского населения, но и к маргинализации значительной его части, «окрестьяниванию» рабочих и «оробочиванию» крестьян, симбиозу традиционного и индустриального

укладов, архаизации городской культуры. Этот опыт был использован на стадии форсированной индустриализации с ее интенсивной урбанизацией, в процессе коллективизации, активного использования внеэкономического принуждения во всех отраслях производства. Устойчивость идей самообеспечения демонстрирует и постсоветская практика создания садово-огороднических товариществ, вновь и вновь приобретающая популярность в условиях потенциального продовольственного дефицита.

Заболотный Е. Б., Камынин В. Д., Тертышный А. Т. Урал накануне великих потрясений 1917 года : (историогр. очерк). Тюмень, 1997.

Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.) в документах и материалах : сб. / подгот., [авт. вводного очерка] А. Тяняев. Свердловск, 1929.

Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009.

Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера / пер. с фр. Ю. В. Гусевой, В. А. Бабинцева. М. ; Оренбург, 2001.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) Ф. 4. Свердловский областной комитет Коммунистической партии Советского Союза. Оп. 2. Д. 69. Государственные информационные сводки (ГИС) Златоустовского окружного отдела (ОО) ОГПУ (10.01–21.12.1924). 178 л.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 71. ГИС Ишимского ОО ОГПУ (15.01–23.12.1924). 289 л.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. ГИС Курганского ОО ОГПУ (01.12.1923–27.12.1924). 276 л.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 73. ГИС Кунгурского ОО ОГПУ (20.01–10.11.1924). 122 л.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 74. ГИС Нижнетагильского ОО ОГПУ (23.01.–30.12.1924). 247 л.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 75. ГИС Пермского ОО ОГПУ (01.01. – 20.08.1924). 140 л.